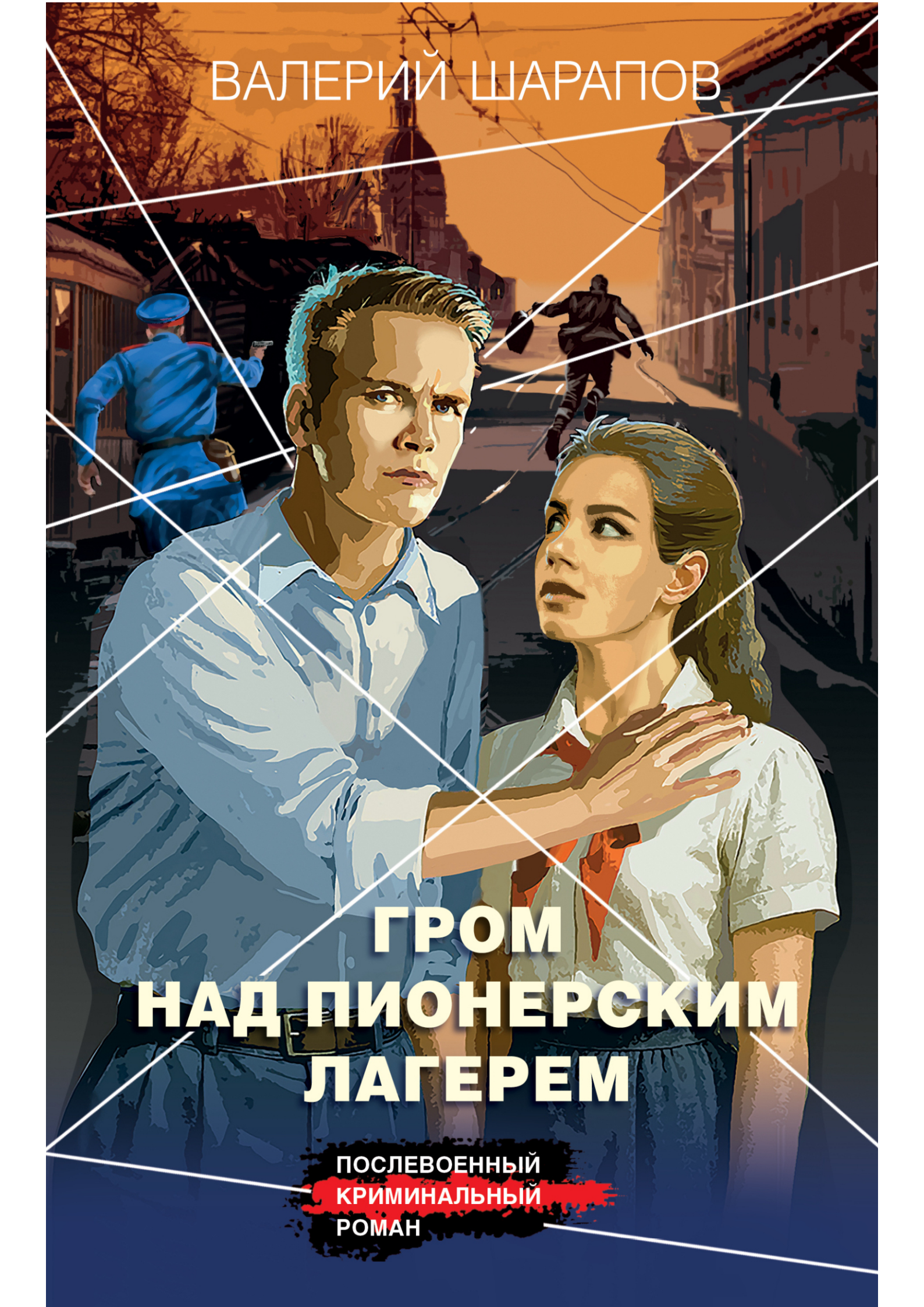

The background of the cover is a stylized illustration in a high-contrast, posterized style. It depicts a street scene in a Soviet city. In the foreground, a man in a light blue button-down shirt and a woman in a white short-sleeved shirt with a red neckerchief and a dark skirt are looking upwards with expressions of concern. The man has his hand on the woman's shoulder. In the background, a police officer in a blue uniform and cap is seen from behind, holding a handgun. Further back, a person is running away from the viewer. The scene is set against a backdrop of city buildings and a church with a dome. The entire image is overlaid with a network of white diagonal lines.

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ГРОМ НАД ПИОНЕРСКИМ ЛАГЕРЕМ

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

Короли городских окраин.
Послевоенный криминальный роман

Валерий Шарапов

Гром над пионерским лагерем

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Гром над пионерским лагерем / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2025 — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный
роман)

ISBN 978-5-04-229184-5

Двое грабителей в масках, совершив налет на почту, уносят с собой крупную сумму денег. Постовой милиционер успевает ранить одного из бандитов, но им удается скрыться. Вскоре сумка с похищенными деньгами находится. Однако все купюры в ней оказываются фальшивыми... Работающий вожатым в пионерском лагере Колька Пожарский узнает, что одна из девочек, Сонька, хвалилась подружкам, что нашелся ее отец, с которым они скоро уедут на юг. Девочка угощала подруг мороженым, а однажды расплатилась в магазине... поддельной десяткой. Колька рассказывает об этом участковому Акимову. Вместе они решают проследить за Сонькой, не подозревая, какая неожиданная встреча ждет их... Атмосфера становления послевоенного поколения, близкая многим читателям, когда пьянит дух молодости и свободы. Когда от «все можно» до «стой, стрелять буду» — один шаг. Криминальные романы о времени, память о котором до сих пор трепетно хранится во многих семьях. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Прощай, шпана замоскворецкая». «В романах Валерия Шарапова настолько ощутимо время, что, кажется, еще немного, и ты очутишься среди героев этих книг — невозмутимых следователей, коварных преступников, перепуганных граждан. А отчаянные сыщики примут тебя за своего и немедленно возьмут на очередную опасную операцию...» — Сергей ЗВЕРЕВ, автор боевых романов

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229184-5

© Шарапов В. Г., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валерий Георгиевич Шарапов

Гром над пионерским лагерем

© Шарапов В., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

Холод. Полночь. Ад.

Небо черное, опрокинутое, и место ему внизу, в преисподней. Новолуние, потому темно, и звезды редкие, жалкие, похожие на дыры в брезенте, отражаются в чернильной ледяной воде моря. Снег, жесткий, как наждак, хрустит под ногами, как брошенные, раздробленные кости.

Тихо. Только внезапно взревел, будто спросонья, буксир в порту. Звенит воздух от мороза, стужа впивается в голые пальцы, забирает последнее тепло из легких. Каждый вдох – точно глоток битого стекла. Трясет замерзшими полами вертухай на вышке.

Тьма густая, как мазут, сквозь нее живым огнем то и дело вспыхивает окно котельной, в тот момент, когда истопник открывает дверцу ревущей топки.

И вдруг – взрыв. Жахнуло так, что стекла в корпусе брызнули картечью. Котельная разорвалась изнутри, медленно падали стены, рвалось наружу ликующее пламя. Труба корчилась, изрыгая клубы едкого дыма.

Огонь весело лизал небо длинными языками, жрал доски, перекусывал бревна, которые трещали. Искры взлетали вверх и тотчас гасли в морозном воздухе. Жар от этого огня был ложный, он не грел, не давал тепла, а запускал по земле густой удушливый дым. Снег вокруг котельной таял, обнажая покрытую угольной пылью землю, и лужи тотчас замерзали, становясь похожими на зеркала.

Люди высыпали из бараков, вопили: «Пожар!», «Не подходите!», «Горючка!», «Рванет!», – и все равно носились с баграми да ведрами. Покачивался на горячем ветру кусок ватника, прилипший к горящему бревну.

Холопья, презрев опасности, тушили пожар, дворянство – администрация колонии – собралось на собор. Барин¹ в тулупе, надетом прямо на пижаму, смачно выругался, сплюнул в снег.

– Твою ж... минус тридцать, дуба дадим.

Скряга², опухший после вчерашнего возлияния, икал от мороза:

– С-сейчас, дровец подгон... ик... м.

Коновал³ напомнил:

– Макар Ильич, там неактивированные жмуры были сложены.

– А почему там? Не греет печь – греет хата на костях?

– Места нет в покойницкой.

– Да пес с ними.

– Котельную жаль, – переживал скряга.

Барин спросил:

– А кто виноват-то в том, что лом безрукий у тебя там нынче дежурил?

Скряга похлопал себя по карманам, которых в кальсонах не было, стало быть, и блокнот отсутствовал. Тогда он крикнул зека, отвечающего за дрова и котельную, спросил об истопнике. Тот доложил:

– Князев, пятьдесят восемь – четырнадцать, пятьдесят девять – три, еще⁴.

– Короче, – приказал барин.

– Крыс музейный, гражданин начальник.

¹ Барин (*жарг.*) – начальник ИТЛ.

² Скряга (*жарг.*) – начальник хозяйства.

³ Коновал (*жарг.*) – лагерный врач.

⁴ Ст. 58–14 «Контрреволюционный саботаж» – если хищение нанесло ущерб престижу государства, в т. ч. вывоз уникальных икон XII в., ст. 59–3 УК РСФСР «Незаконные операции с валютой и ценностями» – ценности продавались за валюту.

Замнач по оперработе заключил со знанием дела:

– Беды все от интеллигенции.

– Вылетел в трубу на небеса, все проще, – подвел черту разговора барин. – Михалыч, на жмуrows сегодня же накатай активровку, понял? И крыса впиши.

Лагерный врач молча козырнул. Добрый барин вспомнил, что забыл, и обратился к скряге:

– Придурку своему накажи, чтобы дрова тащил прежде не на баню, а чтобы и по баракам распределил, а то все к утру перемерзнут. Усек?

...В стороне от суматохи и воплей, где тьма снова была густая, ползла себе телега. Лошадь – пузатая, сверху от хребта – сплошные ребра, как на заборе, зевала и шаркала копытами. Фальшивый парашник (настоящий как раз летел себе на небо) в сторону огня и не смотрел.

Главное теперь – не заснуть, а то лошадь-то дойдет, дорогу знает, а он замерзнет к чертям. После жаркой котельной с непривычки холодно...

Глава 1

Обычно гвоздь в сапоге – это пустяк и ерунда. Это есть у тебя пара сапог. А если нога одна и сапог единственный, то беда.

Такая напасть постигла почтальона Гаврилова, Геннадия Ивановича. Причем как ладненько все начиналось: с вечера заскочил фронтовой дружок с боевой «подругой» – заветной бутылкой, только вот в ней такой оказался хоттабыч, что до сих пор дым в голове.

Посидели. Утром имело место тяжелое похмелье.

Гаврилов, отлепившись от подушки, глянул в окно и запаниковал – на улице лежал снег. Иваныч засомневался, уж не помер ли он, но сообразил: не умер и не проспал он полгода, это погода фуфлю. Весна в этом году крайне неопределенная. То парит, как в июле, то мороз прохватывает – чистый ноябрь.

Выпавший снег породил больной вопрос: в чем бежать на службу? За ночь в сапоге вдруг выскочил гвоздь, идти в нем невозможно, ничего на смену нет. А заведующая когда еще предупредила: еще одно опоздание – вышибу с работы за прогул. До недавнего времени можно было плевать на эти ее таяканья, но тут приняли на работу второго почтальона, так что да, может выгнать. К тому же сегодня первое число, надо деньги разносить. Точно убьет.

Но тут – постучала в дверь удача в виде сварливой соседки. Она колотила и орала: «Натоптали, надымили, убирать кто будет – и сапог бросили!» Гаврилов удивился и, обождав, пока она уйдет, высунул нос в общий коридор – и точно! Дружок-то делся невесть куда еще с вечера, а сапог свой оставил, и, как по заказу, нужный, левый.

Гаврилов утащил в комнату подарок судьбы, намотал на ногу портянку, влез в сапог и потопал – в ажуре. Ну да, они ж друг другу перед боем всегда сапоги завешали. Сапог как на продажу! Гаврилов еще прошелся бархоткой раз-другой-третий – и обновка засияла, аж глазам больно. Иваныч бодро упаковал потроха в надлежащие одеяния и, жених женихом, поковылял трудиться.

Настрой у него был бодрый, ощущался мальчишеский задор: «А ну и нехай увольняет. Не по закону. Дура». По закону или нет – было неизвестно, Иваныч понятия не имел, который час. Ходики давно продал, радио подлюка соседская обрезала. Часов Гаврилов не наблюдал, просыпался и прыгал на одной ноге на работу, потому нередко опаздывал.

На улице было пусто и сумрачно – то ли слишком рано, то ли уже все на работе, потому нет никого. От быстрой ходьбы кровь разогналась, веселее побежала по жилкам, хмель испарялся на морозе. Холодно было, но от леса перло весенней сыростью, бодрящей, как скипидар. Иваныч думал: «Болота-то уже вскрылись, сходить бы». Очень он жаловал подснежницу, весеннюю клюкву. И слаще она, и собирать проще, не надо толкаться среди базарных теток, которые не жалуют сладкую ягоду, поскольку «пользительности» меньше.

Вспомнил Гаврилов, как раньше он еще на двух ногах и всем семейством ходили за подснежницей, и рот тотчас наполнился терпкой слюной, и перед глазами поплыли светлые и прозрачные, как тонкий, весенний лед, образы жены Ляльки, сынков Сашки и Алешки, веселые, замурзанные.

Ляля, смеясь, грозила: потоните – домой не приходите, бутузы вопили воробьями: далеко до Зыбунчика. И сигали с кочки на кочку, пока Сашка не плюхнулся задницей в холодную грязь, выронил кузов с ягодой, рассыпал ее и заревел медведем. А спелая клюква алела на снегу, расплываясь красными пятнами.

Почта была в тупике у леса, нормальным шагом до нее – двадцать минут, Гавриловским – вдвое дольше. Иваныч уже настроился на покаяние, приготовил множество умиротворяющих слов. Сняв картуз, дернул дверь – закрыто.

Еще раз рванул – тот же итог. «Заперто», – догадался Гаврилов, к тому же вот за стеклом табличка «Закрето».

«Что за новости? – соображал он. – Рано, что ли, приперся? Или... мать честная, какой день-то нынче?!»

Но на улице никого не было, и, даже если бы и был, как с таким вопросом обратиться к прохожему? Как быть? Вернуться и завалиться спать?

Тут подгребла какая-то гражданка средних лет – и тоже на одной ноге, только у нее не было левой. Гаврилов оценил: сероглазая, свежая, толстая коса в тугой узел скручена, видно, что шустрая – вишь ты, как бодро хромает, и приветливая, не бука. Поздоровались. Та спросила:

– Я что же, рано? Нет никого. – И показала ему часы. Было на них четверть восьмого.

– Нет, – подтвердил Иваныч и вежливо спросил, какое сегодня число.

Тетка ответила без никакой издевки:

– Первое.

Он осторожно уточнил:

– Правда ли?

– Святая. Я вот специально пораньше пришла, очередь занять. Чего это они. Тараканов, что ли, морят? – И она в свою очередь подергала ручку, по-женски деликатно.

Геннадий спросил, что за тараканы, гражданка охотно пояснила, что, скорее всего, прусаки, и принялась рассказывать про этих паразитов, причем с подробностями, свидетельствующими о давнем с ними знакомстве. Она как раз толковала о слабо выраженных признаках полового диморфизма⁵, когда Иваныч взмолился:

– Отпустите душу на покаяние.

– Нет – так нет, я тоже брезгливая, – покладисто отозвалась гражданка, ей-богу, славная женщина, – просто в дезинсекции долго трудилась. А чего вы тут топчетесь? Далеко домой идти?

– Ну это...

– Так пошли ко мне, тут недалеко. Все равно денег нам хватит, постоим чуть позже. А так чайку погоняем, поболтаем. – И она пояснила, улыбаясь: – Я недавно переехала, никого не знаю. Тоскливо!

На собственное счастье, Иваныч предложение принял. И дело не только в том, что вскоре они поженились, жили ладно и померли в один день (а может, и до сих пор живы). Дело в том, что в этот момент почти вооруженным образом грабили.

Как раз принимали деньги, и краснощекий участковый Семенов, улегшись грудью на стойку, шуточками отвлекал от пересчета новенькую почтальоншу Милу, молоденькую и смазливую, и тут в помещение ввалились двое. Как вошли, кто дверь не запер – вопрос открытый. Спрашивать было некому: Семенов пикнуть не успел, как получил рукоятку по затылку и, обливаясь кровью, рухнул на пол. Заведующая Зинаида Ивановна вздернула руки. Мила удивилась.

Один нахал – кепка на глаза, на узкой морде платок – бросил на пол брезентовый баул, приказал:

– Наполняйте, как в аптеке, – четко, плотно и аккуратно.

Принялись перекладывать. Тут как раз Гаврилов начал ломиться в дверь, Зинаида дернулась, хотела крикнуть или хотя бы что-то сделать. Но налетчик в платке ловко дернул к себе Милу, уткнул ей под подбородок ствол пистолета – и на всякий случай еще и головой покачал: не надо!

⁵ Половой диморфизм – различия в общем облике (размерах, окраске и т. д.) самца и самки.

Зинаида застыла столбом. Так все и стояли. А потом двое счастливичков на двух ногах уковыляли навстречу новой жизни. Второй налетчик, одетый попроще и в чулке на морде, из-под которого топорщилась щетина, проследив за ними в окно, просипел:

– Ушли.

– Чрезвычайно хорошо, – одобрил первый и нежно шепнул Миле на ушко: – Вам хорошо, моя роскошная шері?⁶ – И его голос, чуть гнусавый, звучал, однако, как признание в любви за пыльной бархатной занавеской.

В другое бы время Мила согласилась, что да, неплохо, но, когда одна рука заломлена за спину, а в подбородок упирается ствол, уместнее ответить, что черт его знает.

Гад одобрил:

– Люблю дерзких, – и, отпустив, повел дулом «вальтера», – займитесь нашим делом, да поскорей, без пауз.

Женщины принялись бросать в чужой мешок чужие деньги. Колючий налетчик, что стоял на стреме, маялся и потел, а тип с манерами стоял в небрежной позе.

Странно. Творились такие черные дела, а на почте было чинно, прилично, подобающим образом пахло сургучом и чернилами, и участковый Семенов с разбитым затылком так тихо лежал в углу.

Только чулочная рожа дергалась, то и дело глядя в окно. Приятель его приструнил:

– Глаза на дело. Держи на мушке.

Чулочный пробурчал:

– Время же! Народ сейчас подвалит.

– Верно. Дамы, завершаем упаковку. – Подойдя к женщинам, он забрал мешок и передал колючему. – Засим позвольте откланяться.

Он умудрился и поклониться, и к выходу пойти, но ни взгляда, ни дула от женщин не отводил. Отвлекся лишь на миг, пытаясь повернуть ключ в закишем замке, а тот не подчинялся. Колючий снова дернулся:

– Дай я. – И полез своими лапищами.

Вот когда оба отвлеклись на замок, Семенов успел попытаться совершить подвиг. Делая вид, что он продолжает находиться в беспамятстве, участковый сумел незаметно открыть кобуру, вытянуть револьвер, успел прицелиться – и это все.

Мерзавец в платке пальнул не глядя. Оглушающе грохнуло под низким потолком. Семенов рухнул на пол. Страшно, плоско лежала на полу его голова, и из-под нее растекалась красная лужа. Теперь воняло порохом и медью крови. За окном гневно орали вороны. Колючий взвыл:

– Что за... валим!

– Пожалуй, пора. – Убийца вышел первым, затылком вперед, продолжая держать под прицелом помертвевших женщин.

Но только он вышел, а колючая харя снова торганула варежкой, повернувшись спиной, Мила метнулась к трупам,хватила револьвер из его руки, прицелилась и выстрелила.

Плоскомордый взвизгнул:

– Князь!

Взмахнув руками, сам вывалился за порог, выронил мешок, пошел косо, собираясь упасть. Но подельник подхватил его и мешок, взвалил на плечи и бросился бежать.

Мила выскочила на порог, выдохнула, смиряя трясущиеся руки, старательно прицелилась в дергающуюся фигуру. Выстрелила она еще два раза, но обе пули ушли куда-то в сторону. Налетчики скрылись в лесу.

⁶ Шери – женское имя, в переводе с французского означающее «возлюбленная».

Стало тихо-тихо. Вороны черной рваной тучей снова опустились на лохматые сырые тополя, вновь мирно загомонили синицы. Опять начал таять под весенним солнцем выпавший с ночи снег, на котором теперь расплывалась клюквенно-красная клякса. Плакала соком раненая береза.

...Весенний лес стоял мокрый, шумный, стлался туман от снега, хлопнула под сапогом сонная лягуха, от тропинки вильнул в сторону «ручеек» – Князь прошел по нему и уткнулся в сочную, ровнехонькую полянку, которая так и стлалась под ноги, как зеленый ковер.

Подельник, томно висая на плечах, все нудил, а Князь потянул носом – точно, пахнет болотом, тухлыми яйцами, прелью, сладковато и липко. Болота он знал, как никто, даже когда нянька-чухонка⁷ на даче под Гельсингфорсом пугала пейками подколодными, чтобы не ходил по топям, он все равно лез. Правда, такие полянки всегда обходил – это погибель.

«Дурная была идея с ограблением. Нахрап, бред и шум. А теперь тащить этот мешок с костями...»

Идти было непросто, ноша дергалась и скребла по снегу кривыми ногами. Князь скинул подельника с плеч, приказал:

– Сам дальше.

Тот заныл:

– Не могу!

– Прекрасным образом можешь.

– Князь, не было такого уговора. Не договаривались... мусора-то... можно ж было... ох! Чего ты пистолет у него сразу не забрал, ведь очень просто же...

– Просто, – отозвался Князь, соображая: «Что теперь? Сейчас нагонят. Патрон на него тратить – нет, и так осталось только три. И выстрел услышат. Времени в обрез, и все до такой степени деструктивно...»

Возникла идея. Князь заботливо спросил:

– Больно?

– Спрашиваешь, – простонал тот, – прям под лопатку угодила, стерва. Аж горит все. Попить бы.

– Давай, давай, – проворковал Князь, бережно подтаскивая его поближе к полянке, – вот тут сядь, и водица рядом. А можно и клюковки.

– Клюковки! – повторил тот со щенячьим восторгом. – Она лечебная, мигом все снимет. – Тут он увял и спросил плаксиво: – Или хана мне, а?

Он жалко ухмылялся, и рот у него был несвежий, обметан белым, Князя передернуло, он отвернулся. Раненый, осознав, что помогать ему не станут, подобрался на брюхе к воде и принялся хлебать холодную воду.

– Во, и силенок прибавилось. Весна же, а? Такой на севере нет.

– Нет, – подтвердил Князь, прислушиваясь.

Погони пока не слышать, но она близко. Вот вверху каркнул ворон. Прилетел, носатый, в широких неопрятных штанах, сел на корявую ветку, точно в ожидании. Раненый неловко повернулся, охнув, снова оперся на пень, принялся причитать:

– Клюковки бы, а. Вон же она, рукой подать. И полянка вот какая чистая, хорошая полянка, ни кочки.

Князь согласился:

– Ни кочки. Ровнехонькая полянка.

⁷ Чухонка – женская форма народного названия чухонец. Это устаревший русский термин для обозначения некоторых финских народов: финнов, эстонцев, карелов, ингерманландцев.

Тот посидел, по хамству и глупости полагая, что друг ринется ему клюковки набирать. Потом дошло, кряхтя, поднялся сам, пошел по чистой этой полянке, покрытой такой плотной густой травой, даже лужиц не видно.

Сделал шаг, другой, третий.

Почувяв, что ноги утопают, он замешкался – и тотчас ушел по колено, помедлил еще – и вот уже холодная жижа засосала выше колена. Он завопил, начал рваться – и сразу оказался плотно охвачен жижей по самую грудь. Осторожно выдохнул, тихо-тихо, сообразив наконец, что сейчас не то что кричать – дышать нельзя, так тянуло за сапоги вниз.

– Помоги...

Князь отозвался с края полянки:

– Чем же мне помочь тебе?

Он уже омыл лицо, а теперь какой-то щепкой вычищал под ногтями грязь.

Раненый торчал в трясине, умирая, – так грешников, утягиваемых чертями, изображали на соловецких фресках – рот киноварью, глаза вылезают из орбит. Князь усмехнулся: «Падший ангел Дионисия, разве без золотого фона...»

– С-сука, – прошелестел «падший», совершенно не думая о том, что тратит последнее дыхание. – Я ж за тебя...

– В огонь и воду, помню, – подтвердил Князь. – Так вот вода, как раз кстати. Теперь просто тони. – И пропел негромко: – Со святым упокой...

Обезумев, утопающий дернулся наугад – и все, его засосало. Последний вздох, поднявшись пузырем, схлопнулся в весеннем тумане.

Князь перекрестил топь, проговорил:

– Грязь к грязи. – И принялся стягивать свой сапог.

Ворон недовольно каркнул и полетел по своим поганым делам.

Глава 2

Снова та же почта, только людей прибавилось и внутри, и снаружи. На улице волновался народ, в основном пенсионеры и свободные трудящиеся, желающие переправить деньжата родичам в условную Тьмутаракань. Внутри никого не пускали.

Капитан Волин, прибыв, первым делом отправил Яковлева прочесать лесопарк. Яковлев унесся со своей командой по кровавым следам. Волин принялся за дело. Медик из ближайшей больницы завершил свою скорбную работу, сказал:

– Пулевое ранение в голову, пуля попала в переносицу, смерть наступила сразу. Сама пуля внутри, что-то об оружии можно сказать после вскрытия.

– «Вальтер» это был, – сказала почтальон Мила.

– Спасибо, Самохина, – сказал Волин.

Само собой «вальтер», с первого раза узнала. А когда прибыла группа, то долго пыталась вспомнить, куда дела Семеновский пистолет, из которого стреляла по налетчикам, причем сам пистолет держала в руках.

Яковлев еле сумел отобрать у девушки оружие, медик дал ей нюхнуть нашатырю, и только тогда товарищ Мила пришла в себя, и то не до конца. Ни с того ни с сего начинала что-то болтать и, даже вымыв руки, продолжала принюхиваться. Голосом густым и низким, как у молодой коровы, причитала:

– Порохом пахнет.

– Перестань, – приказала начальник отделения Фокина, Зинаида Ивановна.

Она держалась куда спокойнее Милы, но и это было показное, судя по тому, что к моменту прибытия опергруппы покойный Семенов был ею аккуратно и очень умело перевязан.

– Успокоились? Продолжать можем? – спросил Волин и, получив заверение, что да, пригласил Фокину в ее собственный кабинет.

Тут было образцово простенько, одно окно с фикусом, репродукция картины с изображением двух вождей после дождей. Плакат «Связь – нерв страны», причем телефонные провода, уходящие в светлую даль, порядком засижены мухами. График дежурств на стене, начерченный от руки, с пометками красным карандашом.

– Присаживайтесь, – пригласила Фокина, машинально протирая стол.

Виктор Михайлович указал ей на стул:

– Вы ж хозяйка, не тушуйтесь. – И, заняв табурет для посетителей, достал ручку, бланк, принялся заполнять протокол.

Из-за двери были слышны приглушенные голоса, щелканье фотозатвора, скрипели половицы. Фокина спросила, не желает ли он чаю, Волин поблагодарил, отказался, пригласил:

– Прим.

Он уточнил по минутам, кто что делал, выяснил пропавшую сумму, далее перешли на личности. Волин уточнял, как долго Фокина на этом посту, расспрашивал о сотрудниках и прочем, задавал необходимые вопросы, в том числе и стандартный:

– Подозреваете кого-нибудь?

Фокина открестилась:

– Боже упаси. У нас все люди порядочные, вот разве что Самохина эта. Новенькая. Из жалости ее оформили.

Волин уже встречался с упоминаемой особой, способности ее представлял, признал, что да, Самохина человек оригинальный.

– Оригинальный – это вы очень мягко сказали, – пробормотала Фокина.

– Раньше она была куда хуже, – сообщил капитан.

– Уж не знаю, как можно хуже.

- А что не так? Недостатки по работе? Нескромность в быту?
- Скорее первое. Хотя и второе, знаете ли... до мужиков прямо бесстыжая.
- Аморальное поведение?
- Нет, но...
- Тогда давайте по сути.
- По сути, по работе то есть, претензий к ней нет. Хотя вот что запишите: этот, главный у разбойников, сцапал ее, как колбасу с прилавка, и что-то ей интимно нашептывал.
- Когда это?
- А вот когда опоздавший, Гаврилов... я говорила.
- Помню.
- Вот он дверь дергал, я решила крикнуть, а бандит Самохину эдак к себе притянул...
- Схватил?
- Да какой схватил, ее обхватишь! Притащил к себе, как на танцах. Приставил пистолет, а мне головой покачал: не надо, мол. Она смиренно так стоит, а он ей что-то нашептывает, а она отвечает.
- Что он говорил? Что отвечала?
- Я не слышала. Как будто все в тумане было.
- Волин, которому дамские «коли да кабы» порядком надоели, резюмировал:
- То есть вы без особых оснований утверждаете, что ваша сотрудница Самохина и эти бандиты были заодно.
- Нет! – возмутилась Фокина, но тотчас поправилась: – Хотя да.
- Что заодно?
- Вам виднее.
- Но мне надо понимать ваше мнение. Вот, например, то, что она пыталась задержать преступников – это как к вашим словам пристегнуть?
- Фокина решительно заявила:
- Это режьте меня на куски – не знаю к чему.
- Пора закругляться, решил Волин, выставил Фокину из кабинета и позвал Самохину.
- Мила держалась смиренно, памятуя о прошлых их встречах, но ногу на ногу все-таки заложила и папироску попросила. Волин сурово отказал:
- Вредно для здоровья. – И предписал заодно: – Сядьте прилично. Начнем.
- Задавая общие вопросы, уточняя уже услышанное, Волин нет-нет да поглядывал на девушку. В целом социальная педагогика работает, но не до конца. Конечно, краски на лице нет, и волосы зачесаны гладко, и одета скромно, но душок прежней бесстыжей гулены все же ощущается. Само собой, это не повод для подозрений, но взять на заметку стоит.
- Мила толково, без запинки и вполне складно поведала, как было дело. Причем вроде бы говорила спокойно, но, закончив повествование на том, как выстрелила в убегающих, начала уже по второму кругу, далее по третьему описывать то же происшествие, придумывая какие-то новые детали. Волин ее остановил:
- Хватит. А вы что же, хорошо стреляете?
- Раньше не жаловались.
- Где научились?
- На хуторе заведовала заготовками харчей. Пришлось популять.
- Понятно. Начальница сказала, что...
- Врет.
- Я про другое, – успокоил капитан. – Опишите внешность разбойников.
- Один, в которого я попала, был небритый, с чулком на роже.
- Она замолчала. Волин спросил:
- Это все, что ли?

- Хороший чулок, розовый. Дорогой.
- А рост, приметы, может, что-то говорил...
- С ним мы не говорили, – сказала Мила, но тут спохватилась и поправилась: – Только я его голос слышала! Вот я овца. Когда в него пуля попала, он крикнул: «Князь!»
- Кому это?
- А второму, который его утащил.
- «Интересно. Крайне интересно» – Волин записал и обвел это слово.
- Мила между тем поежилась, принялась тереть запястье.
- Разрешите?
- Не дожидаясь позволения, Виктор Михайлович взял ее за руку, развернул на свет. На розовой свежей коже проступали, чернея, синяки.
- Второй вас захватил и угрожал оружием, все верно?
- Да.
- Пишу?
- Мила почему-то заупрямилась:
- Ну а это не получится, что я с ним заодно?
- «Однако она стала соображать куда быстрее», – отметил Волин и возразил:
- Почему же заодно?
- Так вы сами раньше говорили про это... как это. Что жертва тоже виновата.
- Капитан успокоил:
- Не всегда, не волнуйся. Я тебе верю. Не вижу оснований не верить. Говори смело.
- Мила, чуть хмуря белый лоб, с сомнением поддакнула:
- Да, он меня схватил и в подзубальник дуло упер.
- Это куда?
- Она ткнула пальцем под челюсть.
- Записал. Продолжай.
- Ну вот, пока Иваныч ломился, так и держал.
- Так вы говорили или нет?
- Было дело. Называл «мадам», и какие-то листья падают, осень в чем-то там...
- Смертельном бреду?
- Во-во. Я еще подумала: сказанный какой-то, весна ж на дворе.
- «Опять фантазии», – подумал Волин и, чуть подтрунивая, спросил:
- Так, а может, он еще и картавил?
- Мила обрадовалась:
- Ну вы как будто рядом стояли! Пишите – картавил.
- Это вот так? – Волин, картавя, воспроизвел фразы из песни, содержащие звук «р».
- Но Мила не согласилась с этой трактовкой:
- Нет же! Вот так. – И повторила слова, только совершенно другим образом.
- Волин, вздохнув, заметил:
- Значит, гнусавил.
- Ну пусть так.
- Хорошо. Как он выглядел?
- Мила немедленно набычилась и забормотала:
- Что мне за него, замуж выходить? Не всматривалась я.
- Я не сомневаюсь, – успокоил Волин, – так как выглядел?
- И Мила, которая не всматривалась, вывалила, как самосвал:
- Высокий, ладный, блондин, волосы короткие, но волнистые...
- Волин поднял бровь, Самохина спросила:
- Что? Из-под кепки виделись.

– Ничего, ничего. Продолжай.

– Книзу лицо узкое. Глаза не разглядела, но такие... большие. Руки – вот, – она взмахнула лапками, точно пытаясь вытянуть свои коротковатые пальцы, – как у музыканта. Одет уж очень аккуратно. И сапоги такие прекрасные.

Волин качнул рукой:

– Это последнее что означает?

– Не кирза тупоносая, а кожа, и носы острые. И начищены уж очень хорошо.

– Чистые то есть.

Мила поправила:

– Начищенные! Отдраенные! Вот у того, второго, ужасно грязные чоботы были.

Она замолчала, потому что за дверью слышались громкие разговоры, возгласы, началась какая-то возня.

Там посреди зала пылал сигнальным фонарем Яковлев. Мокрый, грязный – на галифе коркой стыл ил, сапоги в грязи, – он нежно прижимал к груди брезентовую сумку. И сам лейтенант, и сумка распространяли густейший запах сырости, тины и тухлых яиц.

Лейтенант начал было, как следует:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться. – Но сбился и восторженно отрапортовал: – Нашли, Виктор Михайлович!

– Кого нашли, лейтенант?

– Сумку! Деньги! Ни синь порошу не тронуто!

Фокина взвизгнула, подалась вперед, чтобы броситься, выхватить драгоценную сумочку, пересчитать, пересчитать, – но не посмела. Капитан сам отобрал торбу у подчиненного, унес обратно в кабинет, поставил на стол, который Фокина невесть как успела застелить газетой.

– Дверь закройте, – приказал Волин, женщина подчинилась. – Сумка та самая?

– Его, его сумка, ворюги. Брезент из вещмешков, а пряжки трофейные, немецкие.

Все пачки были свежими, чистыми, лишь некоторые чуть влажные, и одна заляпана пальцами. Похоже, на радостях кто-то из оперов схватил, скорее всего Яковлев.

Фокина чуть не стонала:

– Разрешите пересчитать?

Волин сделал успокаивающий знак, кликнул в коридор:

– Понятых, живо. – И лишь потом ответил: – Сейчас пересчитаем.

Фокина любовно пересчитывала купюры, понятые стояли и внимательно смотрели. Заведующая оживала на глазах: все тридцать пять тысяч рублей семьдесят пять копеек были налицо.

Волин отвел Яковлева в сторону:

– Докладывай.

– Прошли в лес, к болоту. Шли по следу крови. Снег выпал ночью, так что хорошо сначала было видно. Потом, как углубились в лес, туман стал гуще, грязь началась, следа уже не стало, может, раненого и перевязали. Ну, думаю, сбился со следу, а потом глядь – у Чертова Зыбунчика черное видно...

– У кого чего видно?

– Зыбунчик Чертов. Это местные рассказали – топь страшная. Шагнешь – и все, мигом утянет, не выберешься. Деревьев вокруг нет, уцепиться не за что, проваливаешься, как к черту в преисподнюю. Я ж, Виктор Михайлович, потому и следы увидел, что они там одни были, нет там тропы...

– Поподробнее.

– Болото вскрылось, лед хлипкий, ну оба туда и ухнули. Сумка только плавала ближе к берегу, где только-только топь начиналась. Наверное, как тонуть начали, бросили или пытались опереться о нее.

– Так, а почему решили, что оба утонули? Выходных следов не было?

– Н-нет. А вот еще. Разрешите? – И Яковлев, получив позволение, позвал одного из тех, с кем бегал по болотам.

Тот подал сапог.

– Вот его и выловили.

– Годный сапог, – одобрил Волин, рассматривая его, – кожа, тонкая, нос острый... Гражданка Самохина!

Мила отозвалась:

– Тут я.

Волин поднял сапог:

– Похож?

– Он, гражданин капитан, – сказала она и отвернулась.

Волин вернулся к Яковлеву:

– Где он был?

– В аккурат там же и торчал, как поплавок, утопший. Рядом с сумкой.

– А второго не было?

– Всплывет, – уверенно пообещал Яковлев, – местные так говорят, что все, что в Зыбунчик попало, обязательно вылезет. Последний раз фриц с парашютом всплыл.

– Это-то откуда?

– Не могу знать.

– А раз не можешь, то нечего и болтать... Все у тебя?

Тут налетела чайкой Фокина – сияющая, растрепанная, ликующая, – кинулась Яковлеву на шею. Тот обалдел, а женщина тормозила, целовала, жала руки и снова лезла обниматься.

– Все цело, все! – причитала она. – Спасибо, роденький, дай Бог тебе всего-всего, жены хорошей и детей побольше. – И прочее в том же духе.

Яковлев, фронтовик и бывший особист, засмутился и стал безуспешно отстраняться. Капитан, улучив момент, хлопнул подчиненного по плечу и ободрил:

– Заслужил – получай почести.

И пока все прочие отвлеклись на чествование героя, капитан сам пересчитал деньги, заодно и осматривая.

Ну, положим, сумма на месте. К семидесяти пяти копейкам вопросов нет, а вот с купюрами что-то не так. Волин взял один червонец, потер между пальцами, понюхал, поднес один червонец к глазам, ловя косой свет: «Бумага вроде правильная, водяные знаки на месте, серия, номер... ну “р” бледновата, хотя, может, и кажется. А вот Ильич...»

Покосившись на ликующий народ – никто не смотрел, – он достал маленькую лупу. Вроде правильный вождь, но не вполне. Всем известно, что Ленин живет всех живых, а тут лицо как посмертная маска, зрачки без бликов, плоские. И казалось, что Ильич косит – вроде бы его прищур, но как-то чрезмерно запанибрата, что ли.

Тут Фокина, отлепившись от Яковлева, подобралась к столу и даже протянула бледную лапку к сумке.

– Мы же все формальности уладили? Можно открывать? А то там на улице уже очередь волнуется.

Волин руку женщины вежливо отвел:

– Придется повременить. Деньги изымаются.

Начальница отделения побелела, позеленела, казалось, слилась с крашеными стенами.

Шелестя губами, прошептала:

– Как же, товарищ капитан? Вот же деньги... все в порядке?

– Не в порядке.

Фокина, жалко улыбаясь, пролепетала:

– Народ волнуется. Почту разнесут.

Может, это и было преувеличение, но за окнами в самом деле назревал стихийный митинг. Какие-то кликуши завывали в голос: «Почтарье! Отдайте наши деньги!», «Внуки голодают» и прочее.

– Разнесут – отстроим, – ободрил Волин, спокойный, как могила, снял трубку, назвал номер телефона и, ожидая соединения, удивленно спросил: – Яковлев, что ожидаете? Восстановите общественный порядок.

Багровый до черноты лейтенант, который мысленно явно видел себя героем и благодетелем, четко повернулся на каблуках и вышел к народу. Не так он собирался предстать перед ним. Но хоть душу отведет. Был слышен на улице его мощный рев, который без труда перекрывал неорганизованные выкрики из толпы.

Капитан, снова позвав понятых, зачитал им акт изъятия денег, а после того, как они поставили свои подписи, протянул Фокиной. Та с готовностью заявила:

– Не стану подписывать.

– А что станете? – с живым интересом спросил Волин.

– Жалобу на вас подам. У нас люди без денег...

– То есть предлагаете раздать, – уточнил капитан, – ага. Вы, Зинаида Ивановна, вроде бы не похожи на круглую дуру. Или жить надоело?

– Что вы...

– То, что совершено разбойное нападение, погиб милиционер – ну это так, по-вашему, мелочи. А вот насчет того, что вы настаиваете на том, чтобы запустить в оборот фальшивые деньги, – это как понимать? Глупость или диверсия?

– Настоящие они!

– Вот как только эксперты подтвердят – тотчас раздадим и нищим, и бедным, и убогим. – И, видя, что она снова что-то хочет сказать, Волин встал, показывая тем самым, что разговор окончен.

– Через двадцать минут придут из седьмого отдела⁸. К этому времени надо все заактивировать. Спрашиваю прямо: да или нет?

Разумеется, Фокина сдалась и все, что требуется, подписала.

К тому времени, как прибыл транспорт седьмого отдела МГБ и из него выбрался уполномоченный и двое в сопровождении, вокруг почты уже никого из демонстрантов не было.

⁸ Седьмой отдел МГБ – отдел, занимавшийся в т. ч. диверсиями в кредитно-финансовой сфере, если есть подозрения, что цель введения фальшивок – подрыв доверия к рублю, т. е. цель политическая.

Глава 3

Порядка двух месяцев прошло, жизнь шла своим чередом. Снега окончательно сошли, птички распевали.

Директора текстильной фабрики Веру Акимову постигла трагедия. Все от беспорядочности: бес дернул Веру в воскресенье заскочить «на минутку» на работу за кое-какими бумагами.

Хотя да, откуда выходные у директора? Вот трудящиеся работают, у молодежи воскресник. Не у всей, само собой, только той, которая сбежать не успела. И теперь эта бригада, сколоченная неугомонной Латышевой, шебаршится по хозяйству.

Солнце разогрело фабричный двор, напоив разнообразными весенними запахами: теплого дерева, которым злой, сонный Рубцов подбивал скамейку для курения... свежей побелки, коей Яшка Канунников размалевывал все деревья, которые попадались под руку, и всех, кто не успевал смыться. Белые брызги летели, как лепестки черемухи... воды, которой Колька проливал асфальт и тех, кого «освинил» приятель-неряха.

Сама Тося Латышева и Ольга высаживали на клумбе бархатцы из сбереженных прошлогодних семян. Если взойдут, то к лету тут будет самое благоустроенное место «по мнению райкома».

На спортивной площадке турники, уже наспех покрашенные, горели под солнцем. Соня Палкина, поставив Светку Приходько в один турник как в ворота, пыталась закатить ей обтрепанный кожаный мяч – откуда он взялся? Ребята из ночной смены гоняли в футбол при луне?

У стены котельной, где зимой сугробы по пояс, зеленела травка, пробивалась сквозь асфальт, и ее объедала пестрая кошка. Древняя яблоня набухла почками, вот-вот запенится белыми цветами, и рабочие будут выходить на перекур специально «под яблоню», как на личную дачу.

Вера, вдоволь налюбовавшись, уже собиралась уходить. И вот тут-то началась трагедия. Заверещала красная прямая «вертушка». Звонил Сам – первый замминистра.

– Товарищ Акимов?

– Так точно.

– Удачно, что я вас застал. Есть партийное задание.

– Слушаю...

– В планах визит на вашу фабрику делегации индийских товарищей.

– Что? – переспросила Вера.

– Индийских, индийских, – заверил Сам. – В Дели на выставке советских товаров наша продукция произвела отличное впечатление. Обсуждаются контракты, но до подписания-то надо же что-то показать. Вот товарищи и приедут посмотреть.

На языке вертелось: «Что же показать-то им?» – но усилием воли Вера смогла ограничиться банальными словами:

– Да, но мы...

Это было универсальное начало, но продолжения не последовало. Сам оборвал:

– Ваша фабрика до революции выпускала экспортный шелк. Грех не повторить.

– Но ведь у нас соцсоревнование...

– У всех соцсоревнование. Центральные фабрики перегружены заказами, а у вас к тому же хозяйство уже подновленное, чистое, к приезду гостей только цеха подбелить.

– Да, но шелк... как же? Нужны узоры. Наши печатные валы для тонких линий не подходят.

– А вы так нарисуйте, чтобы подходили. И помните: индийские товарищи, сбросив колониальный гнет, ожидают от нас братского национального колорита. Иначе говоря: никаких серых ситчиков.

– А сроки? – внутренне дрожа, спросила Вера. И услышала ужасный, но единственно возможный ответ:

– Стандартные. Вчера.

– У нас красителей нет, нет анилины, пока доставят – это минимум недели две...

– Откуда красители, с Камчатки?

– Из Ленинграда.

– Ну так за две недели с рыбным обозом можно дойти. – И, понимая, что сейчас снова последует непродуктивное нытье, «сам» поставил чугунную точку: – Товарищ Акимов, надо. Выделю вам полтора месяца. Выдайте нам образцы для шелка в восточном стиле, но с советской душой. И приготовьте на согласование. Конец связи.

В трубке щелкнуло, раздались короткие гудки. Вера еще какое-то время стояла, держа ее в руках.

За окном смеялись ребята, дурачась, брызгались из шланга – такая простая и совершенно несвоевременная счастливая суета.

«Что ж такое-то?! Снова аврал и тушение пожаров. А ведь уже пашем в три смены, чертovo соревнование... так, спокойно. Коллектив пойдет навстречу, не впервой, но ведь каникулы!»

Штаты фабрики расширились за счет оргнабора, ехали семьями, а теперь вопрос: родители пахнут в три смены, а детей куда девать? Пойдут шариться по району и обязательно начнут хулиганить, и начальник отделения милиции Сорокин устроит скандал. Народ неместный, неработающих бабуль-дедуль под руками нет, давать им всем отпуска затем, чтобы детишек отвезти в деревню, – нет и нет, совершенно невозможно.

И ведь с путевками в пионерлагеря в этом году профком допустил форменное головотяпство, только сейчас поставили в известность: места только детям ударников. До звонка Самого это было просто некстати, после – уже катастрофа.

Есть еще момент. Ему там легко говорить – нарисуйте, чтобы подходили, и всего делов. Рисовать кому? У художественного отдела нет такого опыта да и, что греха таить, дарований! Они не по этой части.

Вера постояла у окна, чтобы остыть, подумать и успокоиться.

Ребята уже почти закончили работать. Даже Колька Пожарский поливал уже не дорожки, а норовил окатить Канунникова, грязного, как белый черт.

«Так, спокойно, – решила Вера, опытный директор, – решаем вопросы постепенно, исходим не из того, что все невозможно, а из того, что можно сделать прямо сейчас».

Мысли завертели: «Есть законсервированный относительно новый корпус в сквере, на хорошем удалении от цехов». У Веры была мысль устроить этим летом дневной дом отдыха – но взрослым будет не до отдыха, так можно детям устроить.

«Итак, есть помещение... Но там только коробка, двери и окна – все. Стоп. Ватные матрасы есть в избытке. На складе с осени были закуплены лакокрасочные материалы и лес. Брали по случаю для других целей, но теперь можно сколотить мебель. Питание – ну это как раз ничего, устроим в столовой фабрики. Все хорошо, но кто это все делать-то будет? Рук нет. Нет душевых, туалеты – сортиры на улице. Хотя как раз этим ребят из общаги не напугать. Нужно пробросить электричество, сделать проводку, организовать внешнее освещение – вроде недолго. А сколько же ребят будет, и кого мамы будут на ночь оставлять – неведомо. Надо собираться и разговаривать... Но рук нет! И двор у корпуса – не двор, а просто пара полян. Лес, правда, хороший, годный лес – дыши-гуляй – не хочу. Только все равно нужен полигон для спортивных подвигов, турники, песочницы, ворота, мячи – скакалки и прочее. Придется потратиться на инвентарь и обустройство, но как раз это подъемно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.